

Ван Сюань заметил, с какой неловкостью Сяохун протягивает ему сверток, и мягко улыбнулся.

— Пришла — и ладно, к чему эти подарки? — спросил он. — Ты ведь к старшему брату в гости приехала.

— Да нет, братец Ван Сюань... Это мама... Она для вас с братом обувь сшила. Тканевые туфли, — пробормотала девочка, и под конец её голос и вовсе сошёл на нет. — Только подошва там нескользящая, пластиковая. Вам с братом по две пары: одни уличные, а другие — тёплые домашние тапочки.

— Ну надо же, сколько труда вложено! — улыбнулся Ван Сюань. — Обязательно передай тётушке нашу благодарность. Домашняя обувь ручной работы всегда самая удобная.

Были ли эти слова искренними или просто данью вежливости, для Сяохун это значения не имело. Главное — её подарок не отвергли, и от этого на душе у девочки сразу отлегло.

— Проходи, не стесняйся. Брат знал, что ты приедешь, и специально попросил тётушку Цзян приготовить твои любимые блюда. Так что за обедом не скромничай. А пока ступай вымой руки.

Сяохун послушно кивнула и привычно подошла к раковине. Выдавив каплю жидкого мыла, она принялась тщательно тереть ладони, стараясь унять внутреннюю неловкость.

Дом её старшего брата поражал роскошью. Великолепный особняк, утопающий в пёстром великолепии цветущего сада, располагался в одном из самых элитных закрытых посёлков. Поговаривали, что здешние виллы бесценны — даже если прийти сюда с чемоданами денег, купить ничего не удастся, ведь никто из местных владельцев и не помышлял о продаже.

Ван Сюань показал сверток Гоуданю. Тот молча разглядывал обувь, и на лице его отразилась целая гамма противоречивых чувств. Мать бросила его, когда ему едва исполнилось четыре года, и с тех пор его воспитанием занимался только отец, Ли Сы.

Жизнь с Ли Сы была суровой и до крайности запущенной — в пустом, ободранном доме. Никто не заботился о том, чтобы заштопать одежду мальчишки. В раннем детстве он и вовсе бегал нагишом, а когда немного подрос, старая тетушка сшила ему короткие штанишки из старого отцовского тряпья. Обычно же Гоудань кутался в безразмерные, изодранные рубахи отца, обходясь без брюк и напоминая маленького оборванного попрошайку. Сверкать голым задом в те годы для него было делом привычным.

И вот теперь, когда он давно ни в чём не нуждался, а Ван Сюань не позволял ему носить ничего, кроме качественных брендовых вещей, в его руках внезапно оказался подарок от родной матери — простые туфли, сшитые её собственными руками.

Ван Сюань легонько приобнял его за плечи.

— Раз уж она старалась, возьми, — тихо произнёс он. — Всем в эти годы пришлось несладко. И тёплые тапочки зимой точно лишними не будут.

— Пускай лежат, — безучастно отозвался Гоудань.

После сытного обеда они поехали в крупный торговый центр. Гоудань твердо вознамерился обновить гардероб сестры и на все её робкие возражения лишь отмахивался:

— Раз уж зовёшь меня братом, то не спорь. Покупка одежды — это меньшее, что я могу сделать. Сейчас выберем вещи тебе, а потом подберём что-нибудь для твоей мамы и младшего брата. Сама им потом отправишь посылкой.

Сяохун густо покраснела. Ей казалось, что брат стыдится её невзрачного вида. Но ведь её собственная одежда была вполне приличной! Да, фасон простоватый и старомодный, зато вещи всегда были чистыми и без единой заплатки.

Машина остановилась прямо у ворот студенческого общежития. Выгрузив у ног девочки внушительные пакеты с покупками, Гоудань попрощался. Сяохун долго смотрела вслед уезжающему автомобилю и махала рукой, чувствуя, как её сердце наполняется непривычным, щемящим теплом.

— Чжэн Хун! Хэй, Чжэн Хун! — окликнула её знакомая однокурсница. Стоило машине скрыться за поворотом, как любопытная девчонка тут же подскочила ближе, сгорая от любопытства. — Это кто тебя подвёз? На такой роскошной иномарке!

Сяохун аккуратно заправила выбившуюся прядь за ухо и наклонилась за пакетами.

— Да так, родственник, — уклончиво ответила она. — Пойду я, тяжело нести.

Кряхтя от тяжести, она потащила свои узлы на четвертый этаж. Оставшаяся внизу однокурсница лишь презрительно скривилась и проворчала вслед:

— Ишь ты, нищевродка, а тоже туда же, строит из себя невесть что...

— О, Сяохун вернулась! — удивленно воскликнули соседки по комнате, едва она перешагнула порог. — Ого, откуда столько пакетов? С кем это ты на шопинг ходила? Ну и силища у тебя!

Девочки тут же окружили её, заглядывая в свертки.

— Что там такое? Батюшки, неужели это импортные бренды? Настоящие или подделка? Ничего себе! Тут одежды и обуви на целый гардероб хватит. Сяохун, ты что, в лотерею выиграла?

— Ой, глядите, я о такой кофточке всю осень мечтала!

— Неужели ты сама всё это купила? Выглядит безумно дорого.

— Ещё бы не дорого, это же чистый эксклюзив! Слушай, Сяохун, ты же вроде говорила, что к родственникам уезжаешь?

В головах у соседок не укладывалось, откуда у вечно экономящей на всём Чжэн Хун могли взяться такие богатые покровители.

— Да, — спокойно ответила Сяохун. — Родня из деревни подарила.

Больше она ничего объяснять не стала. Ей и самой не хотелось привлекать к себе лишнего внимания, но поскольку брат высадил её у самого крыльца, скрывать покупки в тесной комнате общежития было бессмысленно. Не желая устраивать демонстрацию, Сяохун решила разобрать вещи позже, когда останется одна. Она аккуратно сложила пакеты в шкаф и заперла дверцу на ключ.

Отобрав вещи, предназначенные для матери и братишки, она аккуратно упаковала их в картонную коробку, чтобы после обеда отнести на ближайшую почту. Сделав это, она как ни в чём не бывало повернулась к притихшим соседкам и достала из сумки угощения.

Сяохун предпочла проигнорировать многозначительные переглядывания девочек. В любом женском коллективе, даже в маленькой комнатке общежития, плелись свои интриги, но если не принимать их близко к сердцу, то и обижаться будет не на что.

— Мои родственники собрали мне в дорогу гостинцев, — улыбнулась она, открывая многоярусный термос. — Тут жареные свиные ребрышки и куриные голени. Давайте угощайтесь, пока горячее!

Напряжение в воздухе мгновенно рассеялось. Девочки не были злыми, просто внезапное богатство вечно нуждающейся подруги вызвало у них мимолетный укол зависти. Но аромат домашнего мяса быстро растопил лед.

— Ого, какой аромат! — наперебой зашебетали соседки. — Ничего себе у тебя родня заботливая, да ещё и при деньгах!

— А они в столице живут? Кем работают?

Вопросы посыпались градом, пока девчонки с аппетитом уплетали сочные ребрышки.

— Да, — с гордостью кивнула Сяохун. — Они окончили Пекинский университет и остались работать в столице.

— Ого, ничего себе! — восхитились студентки.

В их возрасте, когда юношеский максимализм ещё не выветрился, искреннее уважение к выдающимся умам преобладало над меркантильностью. Поступить в Пекинский университет — предел мечтаний, и то, что родственники Сяохун учились там, мгновенно возвысило её в глазах сверстниц.

— Да, они невероятно умные, — мягко подтвердила Сяохун.

Девичья дружба порой бывает сложной и противоречивой, но стоило туману недоверия рассеяться, как атмосфера в комнате снова стала теплой и непринужденной. Уплетая угощения, соседки наперебой хвалили гостеприимных столичных родственников.

— В нашей столовке еда просто отвратная, мяса днём с огнем не сыщешь, — жаловалась одна, облизывая пальцы. — Спасибо тебе, Сяохун, устроила нам настоящий праздник живота!

— И не говори! Я дома к жирному вообще не прикасалась, а за полгода в общаге готова душу за кусок свинины отдать.

— Ребрышки просто тают во рту, а корочка на голеньях какая хрустящая!

Девчонки, которые вечно твердили о диетах и скромном аппетите, за полчаса умудрились опустошить многоярусный термос дочиста. Сама Сяохун привыкла есть сытно и много, но и её подруги, чьи семьи жили в достатке и баловали их карманными деньгами, сегодня не отставали. Наслаждаясь по-настоящему вкусным домашним блюдом, они напрочь забыли про жеманство.

Поместье Изумрудного Сада. Август 2000 года

На улице стоял невыносимый зной. В прохладной гостиной роскошной виллы Гоудань и его младший брат Бэйшэн сидели друг напротив друга, уставившись в упор.

Гоудань ткнул пальцем в сторону ребенка и ошеломленно повернулся к Ван Сюаню:

— Ты хочешь сказать, что отец поручил мне приглядывать за этим оболтусом?

Ван Сюань виновато улыбнулся:

— Дядя Ли уверяет, что Бэйшэн боится только тебя. Дома он совсем от рук отбился, а перед тобой робеет.

— И поэтому отец решил перевесить свои проблемы на меня? — вскипел Гоудань. — С какого перепугу он решил, что я горю желанием нянчиться с чужими детьми? Как мне с ним управляться? У меня что, дел мало?

Он едва не сорвался на крик. Мальчишка пробыл у них всего несколько часов, а в доме уже воцарился хаос. На паркете перед огромным аквариумом сиротливо лежали выловленные золотые рыбки — без чешуи, бездыханные, они лишь судорожно разевали рты, доживая последние секунды. Вода была разлита по всей комнате, а в самом аквариуме сиротливо покачивался мокрый детский сандалик Бэйшэна.

Виновник торжества испуганно заламывал пальцы, не смея поднять глаз на расвирепевшего старшего брата. Малыш был мокрым до нитки, несколько мокрых прядей уныло прилипли ко лбу. Вид у него был самый несчастный.

Со стороны могло показаться, будто взрослый парень издевается над беззащитным ребенком, но Гоудань-то знал, на что способен этот маленький бесенок!

— Ты только посмотри на это! — бушевал Гоудань. — Ладно бы просто воду разлил, но он же полез на край аквариума! А если бы сорвался и ушел под воду вниз головой? Кто бы его вытаскивал? А мои свежие газеты и журналы? Превратил всё в чёртовы бумажные самолетики! Ну что за несносный ребёнок!

Ван Сюань изо всех сил сдерживал смех, глядя на праведный гнев своего возлюбленного. Всегда собранный и невозмутимый Гоудань сейчас выглядел совершенно беспомощным перед лицом детских шалостей.

— Где отец и тетушка Яо? — простонал Гоудань. — Пусть забирают этого разбойника и убираются восвояси. Сил моих больше нет.

— Дядя Ли и тетушка ушли навестить моего наставника, — примирительно ответил Ван Сюань. — Они специально оставили Бэйшэна, чтобы он поближе с нами познакомился.

— Познакомился? Ну уж нет, — Гоудань сурово зыркнул на притихшего брата. — Вечером останешься без ужина. Раз не умеешь вести себя прилично, будешь сидеть голодным.

"Так и сделаю, — злорадно подумал Гоудань. — Накажу его голодом. Отец увидит, как исхудал его любимчик, испугается и заберет обратно в деревню. И наступит тишина и покой"

Эта мысль показалась ему на редкость удачной.

Ван Сюань видел, что Гоудань разошелся не на шутку. В гостиной работал кондиционер, и намокший Бэйшэн уже начал мелко дрожать от холода. Решив не усугублять ссору, Ван Сюань подхватил малыша под мышки и увёл в ванную, чтобы искупать в горячей воде и переодеть в сухое.

Мальчик молчал, явно напуганный грозным видом старшего брата. К счастью, он хотя бы не ревел, хоть Гоудань только что бесцеремонно стащил его с тумбы аквариума и влепил пару весомых шлепков по заднице. Бэйшэн отчаянно шмыгал носом, сдерживая слезы: суровый окрик брата напрочь отбил у него охоту реветь. Малышу искренне сочувствовали — не повезло ему со старшим братом, разница в возрасте у них была такой, что они вполне могли сойти за отца и сына.

— Ну и зачем ты туда полез, глупыш? — мягко приговаривал Ван Сюань, намыливая детскую голову душистой пеной. — А если бы сорвался? Упал бы в воду, захлебнулся, и никто бы не пришел на помощь. Больше никогда бы не увидел папу с мамой, не поел вкусных куриных ножек и не поиграл в машинки. Все твои любимые игрушки отдали бы какому-нибудь чужому мальчику. Понимаешь это?

Бэйшэн обиженно выпятил нижнюю губу. До этого он из последних сил сдерживался, боясь, что суровый Гоудань исполнит свою угрозу и выставит его на улицу. Мальчик знал, чем грозит бродяжничество: отец строго-настрого предупредил перед поездкой, что в огромном мегаполисе потерявшегося ребенка никто искать не станет и он никогда больше не вернется домой.

— Домой хочу... К папе... К маме... — не выдержал наконец Бэйшэн и залился горячими слезами. Крупные слезинки покатались по его размякшим щекам.

— Ну всё, всё, не плачь, — засуеился Ван Сюань, вытирая его пушистым полотенцем. — Будешь вести себя хорошо, спрашивать разрешения перед тем, как взять вещь, и никто тебя не обидит. Договорились?

Но ребенок уже ничего не слышал сквозь собственную истерику, упрямо твердя сквозь всхлипы:

— Хочу к маме! Хочу к папе!

Ван Сюань впопыхах натянул на него чистую футболку и шорты. Малыш ревел во всю глотку, заходясь в рыданиях. Пришлось взять его на руки и начать качать, пытаясь успокоить.

— Тише, Бэйшэн, тише. Папа с мамой ушли ненадолго, скоро они вернуться.

Однако детский плач унять было не так-то просто. Бэйшэн зашёлся в такой истерике, что никакие разумные доводы на него не действовали. Он лишь крепче цеплялся за шею Ван Сюаня, требуя вернуть родителей.

Слыша завывания из ванной, Гоудань раздражался всё сильнее. Маленькие дети всегда казались ему невероятным стихийным бедствием. И о чём только думал отец? Неужели решил, что раз они с Ван Сюанем не планируют обзаводиться собственным потомством, то им под старость лет нужно подсунуть этого сорванца на воспитание?

"Я собственных детей заводить не хочу, а тут должен нянчиться с чужим сопливым недорослем! — Гоудань сокрушенно потер виски. — Мало того что капризный, так еще и глаз да глаз за ним нужен, иначе разнесет весь дом по кирпичику"

А из ванной по-прежнему доносился залиvistый детский рев:

— Па-а-а-па! Хочу к ма-а-аме!

<http://bllate.org/book/19654/1996875>